

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

И.А. Истомина*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДЕРЖАВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Развитие в современной мировой системе параллельных тенденций углубления политических противоречий между ведущими державами и наращивания экономической интегрированности стран порождает вопрос об их соотношении. Целью настоящей статьи стало выявление роли тесной экономической взаимозависимости в обострении конкуренции между ведущими державами за позиционные преимущества в вопросах международного регулирования и институциональную власть. Актуальность данной тематики объясняется тем, что утверждение своих предпочтений в нормативной структуре мирового экономического порядка обеспечивает стране долгосрочное закрепление собственного влияния. Раскрытие обозначенной проблемы потребовало характеристики современного этапа развития отношений между ведущими мировыми державами. Автор демонстрирует, что в 2010-х годах наблюдается обострение междержавной конкуренции на фоне подъема центров силы, представляющих альтернативу Соединенным Штатам. В статье рассматриваются конкурирующие теоретические подходы к оценке стабильности современной конфигурации мировой системы, а также к объяснению зависимости международной конфликтности от степени экономической интегрированности государств. Отмечается, что обращение к экономическому измерению мировой политики в зарубежном экспертном сообществе с конца 2000-х годов стало одной из основных линий аргументации, обосновывающей перспективу мирной и относительно бесконфликтной эволюции мирового порядка. На примерах конца 2000-х – 2010-х годов проиллюстрирован процесс превращения сферы институционального

* *Истомина Игорь Александрович* – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-03-00728.

регулирования мирового хозяйства в одну из центральных арен конкуренции между ведущими державами. Наконец, в статье представлены социальные и технологические изменения, способные ограничить дальнейший рост интегрированности международной среды. Современная ситуация в некотором смысле оказывается «худшим из миров», в котором потребности государств в доступе к мировым рынкам сочетаются с серьезными различиями в их конкурентных преимуществах, а значит, и с разницей в предпочтениях относительно эволюции правил международного хозяйственного регулирования. Автор делает вывод, что подобная комбинация порождает риски дальнейшего обострения противоречий между крупнейшими международными игроками.

Ключевые слова: великие державы, международная система, экономическая взаимозависимость, США, восходящие державы, глобальное управление, ВТО, Бреттон-Вудские институты, Китай, полицентричный мир, теория международных отношений.

Развитие в современной мировой системе параллельных тенденций углубления политических противоречий между ведущими державами и наращивания экономической интегрированности стран порождает вопрос об их соотношении. В западных исследованиях нередко интенсификация экономической взаимозависимости представляется в качестве гаранта поддержания международно-политической стабильности – страховки от того, что страны слишком увлекутся взаимными противоречиями и допустят скатывание к вооруженной конфронтации¹. Вместе с тем даже в зарубежном экспертном сообществе подобные оценки не находят единогласной поддержки.

В отечественных исследованиях проблематика влияния углубления экономической взаимосвязанности мира на международную политику привлекала внимание в первую очередь в контексте неомарксистской критики глобализации как механизма закрепления неэквивалентного обмена между развитыми и развивающимися странами (см., например: [Нарыков, 2003; Шевченко и др., 2017]). При этом обострение международной конфликтности ассоциируется с борьбой за материальные ресурсы, особенно на периферии мирового хозяйства.

Между тем настоящая статья концентрируется на выявлении роли тесной экономической интегрированности в углублении конкуренции между ведущими державами за позиционные преимущества в вопросах международного регулирования и институциональную власть. Актуальность данной тематики объясняется тем, что утверждение своих предпочтений в нормативной структуре ми-

¹ Наиболее яркое представление подобной аргументации см.: [Ikenberry, 2011].

рового экономического порядка обеспечивает стране долгосрочное закрепление собственного влияния. Автор доказывает, что глубокая взаимосвязанность современных экономик и обществ становится дополнительным источником обострения соперничества в международной системе, а не структурным стабилизатором, как это часто утверждается.

Для раскрытия обозначенной проблемы в статье дана характеристика современного этапа развития отношений между ведущими мировыми державами, рассмотрены конкурирующие теоретические подходы к оценке стабильности существующей конфигурации международной системы, а также к объяснению зависимости международной конфликтности от степени экономической взаимосвязанности государств. На примерах конца 2000-х – 2010-х годов проиллюстрирован процесс превращения сферы институционального регулирования мирового хозяйства в одну из центральных арен конкуренции между ведущими державами. Наконец, представлены социальные и технологические изменения, способные ограничить дальнейший рост интегрированности международной среды.

* * *

Период после окончания «холодной войны» был отмечен относительным снижением интенсивности конкуренции между ведущими мировыми державами. В значительной степени такое положение было обусловлено существенным отрывом Соединенных Штатов от других игроков по своему материальному потенциалу. В то же время, как указывал отечественный специалист А.Д. Богатуров, США избирательно использовали инструменты силового принуждения и избегали их применения против крупных государств [Богатуров, 2003: 21–22], что также способствовало поддержанию относительной стабильности на общесистемном уровне (при сохранении и даже расширении со временем локальных зон нестабильности).

Контрагенты Вашингтона, хотя нередко критиковали его действия и даже пытались использовать институциональные механизмы ограничения его амбиций, воздерживались от прямого столкновения с ним². Подобный подход в наибольшей степени проявился в максимах, сформулированных китайским лидером Дэн Сяопином, ориентировавшим КНР на то, чтобы «скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания» [цит. по: Мамонов, 2010: 49].

² Подобного рода стратегии в западных исследованиях получили наименование «мягкое балансирование» [Pape, 2005; Paul, 2005].

В 2010-х годах ситуация качественно изменилась. Стремительный экономический рост Китая, подъем Индии, частичное восстановление российских позиций привели к сокращению разрыва между США и другими государствами. В результате снижения асимметрии между крупными игроками в международной системе стала возрастать конкурентность: с одной стороны, увеличились амбиции тех стран, которые в предыдущие два десятилетия были фактически исключены из процессов мирорегулирования, с другой – усилились опасения за свои институциональные позиции у доминирующей державы³.

Изменения в соотношении материальных потенциалов способствовали активизации дискуссии относительно перестройки международного порядка. Даже та часть американского исследовательского сообщества, которая критически оценивает предположения относительно сравнительного ослабления Соединенных Штатов и исходит из сохранения их преобладания в мире, согласна, что в международной системе наблюдаются качественные изменения [Brooks, Wohlforth, 2016].

Другие авторы прогнозируют переход к полицентричному миру, в котором правила игры будет определять разнородная группа крупных держав. В качестве исторической аналогии нередко рассматривается опыт «великодержавного концерта», поддерживавшего стабильность в Европе в XIX столетии [Никитин, 2016]. Такая организация мира предполагает не только наличие сравнительно сопоставимых (хотя и не обязательно равных по своим потенциалам) центров силы, но и преобладание кооперативного модуса взаимоотношений между ними. Только в этом случае они способны обеспечить коллективное регулирование международной среды.

Между тем 2010-е годы были отмечены не углублением взаимопонимания, а возрастанием противоречий между крупными державами, что стимулировало активизацию балансирования между ними. Очагами локализации конфликтности стали Восточная Европа (в которой сталкиваются интересы России и США), Южно-Китайское море и Корейский полуостров (где активно действуют Вашингтон и Пекин). Кроме того, обозначились свидетельства продолжающейся конкуренции между Китаем и Индией (в том числе непосредственное соприкосновение их вооруженных сил в Гималаях)⁴.

³ Подобное сочетание получило обозначение «ловушки Фукидида», так как оно присутствует в объяснении древнегреческим автором истоков войны между Афинами и Спартой [Allison, 2017].

⁴ Panda A. The Doklam standoff between India and China is far from over // The Diplomat. 22.10.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/the-doklam-standoff-between-india-and-china-is-far-from-over/> (accessed: 02.02.2018).

Рост взаимных подозрений проявился и в большем внимании государств к инструментам военного сдерживания. В частности, явные опасения в США и других западных странах вызвало развитие в КНР и России систем ограничения и блокирования доступа враждебных сил в прилегающие к их границам морские и воздушные пространства (anti-access / area denial – A2/AD) [Montgomery, 2014; Frühling, Lasconjarias, 2016].

Для сохранения военного преобладания и контроля над «общими пространствами» Соединенные Штаты приступили к реализации «третьей стратегии компенсации» [Кокошин и др., 2015]. Тем самым Вашингтон отошел от прежней концентрации на обеспечении победы в асимметричных конфликтах и проведении противоповстанческих операций, сконцентрировавшись на повышении возможностей сдерживания потенциальных конкурентов.

Аналогичным образом уже с 2000-х годов нарастали противоречия между государствами относительно развития институтов регулирования мировой экономики. В частности, инициированный в 2001 г. Дохийский раунд переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) закончился провалом из-за разногласий между развитыми и развивающимися странами (в первую очередь США и ЕС, с одной стороны, и Индии и Бразилии – с другой) [Hopewell, 2016: 176–207]. Попытки реформирования Бреттон-Вудских институтов в 2010-х годах, направленные на расширение представленности в них «восходящих» держав (Китая, Индии), блокировалась на протяжении длительного времени Соединенными Штатами⁵.

Таким образом, противоречия между ведущими державами проявляются не только в военно-политической сфере, но и в вопросах международного регулирования экономического сотрудничества. В этих условиях ожидания относительно формирования концерта крупнейших центров силы вступает в противоречие с текущими тенденциями в международной политике.

* * *

Наблюдаемая интенсификация противоречий между ведущими мировыми державами соответствует положениям структурных теорий международной политики. В частности, американский исследователь Кеннет Уолтц рассматривал полицентричную конфигурацию международного порядка как априори нестабильную [Waltz, 1979].

⁵ Hardin R. US fails to approve IMF reforms // The Financial Times. 14.01.2014. Available at: <https://www.ft.com/content/8d4755ee-7d43-11e3-81dd-00144feabdc0> (accessed: 02.02.2018).

Возрастание плюрализма в системе создает три основных источника потенциальной дестабилизации. Во-первых, большему числу государств сложнее договариваться друг с другом относительно общих правил игры, так как поле их совпадающих интересов сокращается (рисунок). Во-вторых, при возрастании количества игроков увеличивается и набор конфигураций отношений между ними. В результате повышается сложность стратегических расчетов во внешней политике государства.

В частности, если представить, что отношения между субъектами могут приобретать лишь одно из двух значений (конфронтационные (-), кооперативные (+)), то при наличии двух значимых участников (А и Б) возможны только две конфигурации системы:

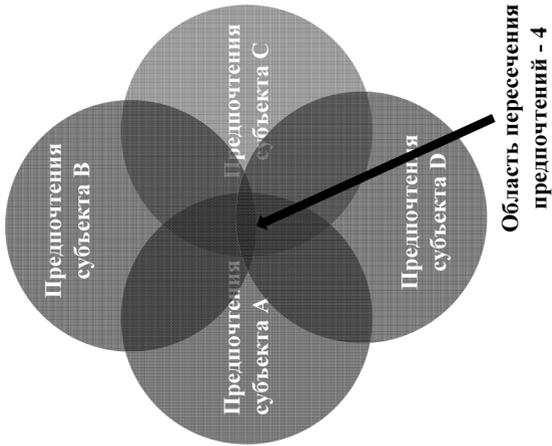
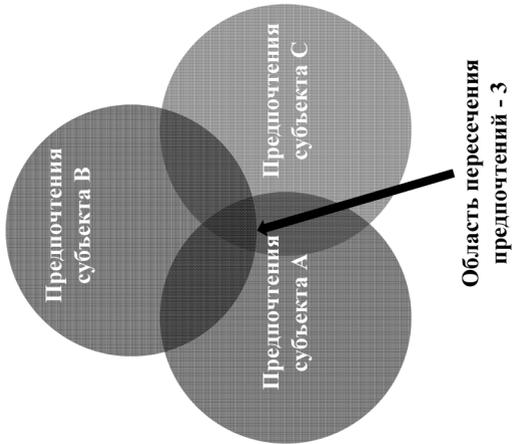
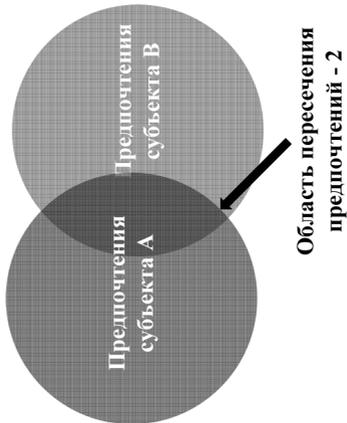
- 1) А-Б – биполярная конфронтация;
- 2) А+Б – кооперативная биполярность.

Если же число игроков возрастает до трех (А, Б и В), то система может принимать одну из восьми конфигураций:

- 1) А-Б, А-В, Б-В;
- 2) А-Б, А-В, Б+В;
- 3) А-Б, А+В, Б-В;
- 4) А-Б, А+В, Б+В;
- 5) А+Б, А-В, Б-В;
- 6) А+Б, А-В, Б+В;
- 7) А+Б, А+В, Б-В;
- 8) А+Б, А+В, Б+В.

Наконец, в-третьих, при возрастании числа игроков каждый из участников ощущает меньшую ответственность за поддержание стабильности в системе. В этих условиях у него растет стремление переложить издержки на партнеров – тем самым проявляется проблема «безбилетника» [Stigler, 1974].

Критики структурных объяснений международной политики обвиняют их в ригористичности, недооценке способности государств к стратегическому планированию и осознанию долгосрочных рисков своих действий. В этой связи британский исследователь Б. Бузан обращает внимание на то, что последствия перераспределения потенциалов в современном мире могут смягчаться параллельной регионализацией мирового порядка [Buzan, 2011]. В условиях меньшей концентрации ресурсов (по сравнению с биполярной или гегемонистской системой) в руках ограниченного числа игроков каждый из них может стремиться к выделению собственной зоны привилегированных интересов, в рамках которой он будет поддерживать выгодные ему правила игры. Обоснованность этой гипотезы подкрепляет тот факт, что в большинстве описанных нами очагов локализации военно-политической конфликтности оппоненты США

Соотношение областей пересечения участников двусторонних и многосторонних взаимодействий

Источник: составлено автором.

(Россия и Китай) демонстрируют стремление не столько к глобальному доминированию, сколько к укреплению позиций у собственных границ.

В этой связи можно было бы ожидать в рамках предполагаемой полицентричной системы достижения некоторого стабильного эквилибриума, основанного не на кооперативном соуправлении в рамках «концерта», а на разграничении региональных комплексов, выстроенных вокруг отдельных крупных держав. Растущие ожидания относительно такого «раздела мира» отражаются в повышении интереса к тематике регионализации в международных исследованиях. В истории немало примеров подобной организации мирового порядка – древние и средневековые цивилизации знали о существовании друг друга и даже поддерживали торговые отношения (достаточно вспомнить широко ныне упоминаемый «Великий шелковый путь»), но ввиду географической удаленности, низкого уровня развития коммуникаций и отсутствия серьезных побудительных мотивов зачастую не угрожали интересам других региональных игроков.

Источником конфликтности в таком регионализированном порядке оставались бы споры относительно границ между его составными частями. В этом смысле «украинский кризис», начавшийся в 2013 г. как противостояние двух интеграционных инициатив (Европейского союза и Евразийского экономического союза), мог бы рассматриваться как прообраз конфликтов в полицентричной системе, построенной на разделении сфер ответственности. В то же время сама по себе локализация конфликтности на окраинах региональных комплексов, с точки зрения приверженцев такого подхода, будет способствовать ограничению их масштабов.

Между тем американский теоретик Дж. Миршаймер, опираясь на разработанную им модель наступательного реализма, указывает на неспособность государств ограничиться доминированием в собственном регионе [Mearsheimer, 2014]. При наличии такой гегемонии они стремятся помешать другим державам установить контроль над собственным окружением, как это и делают Соединенные Штаты на протяжении последних десятилетий в Европе и Восточной Азии. В рамках этой логики акцент России и КНР на прилегающих регионах определяется лишь их неспособностью выдвинуть из них США. В случае успеха в решении ими этой задачи их амбиции также приобретут глобальный охват.

Важным различием в подходах Дж. Миршаймера и Б. Бузана выступает акцентирование первым страха крупных держав за собственное выживание, которое не может быть гарантировано при

наличии конкурентов, даже географически удаленных. Б. Бузан в большей степени рассматривает установление доминирования государством как инструмент закрепления выгодных ему институтов регулирования экономических отношений. С его точки зрения, значение дилеммы безопасности в современной международной системе снизилось под влиянием возросшей взаимосвязанности стран.

Укрепление взаимозависимости между государствами выступает одним из ключевых аргументов критиков реалистских оценок рисков международной стабильности. Они указывают на то, что в условиях тесных экономических взаимосвязей, наличия глобальных проблем и угрозы выживанию человечества в случае ядерной войны цена военного столкновения между державами существенно возрастает, если не становится неподъемной. В результате Б. Бузан характеризует ожидаемую им концентрацию центров силы на организации собственных регионов как процесс формирования «децентрализованного глобализма» [Buzan, 2011: 21–22]⁶.

Наблюдаемое в его концепции и в других схожих работах совмещение признания роста взаимозависимости и акцента на регионализации международной системы представляется крайне непоследовательным. Рост взаимосвязанности повышает не только цену конфликта в международной системе, но и стоимость сотрудничества. Он также делает невозможным то самое «расхождение по углам», на которое уповают приверженцы построения регионализованного международного порядка.

* * *

О влиянии взаимозависимости (в первую очередь экономической) на международную конфликтность еще в начале XX в. писал известный публицист Норман Энджелл [Энджелл, 2009], однако предметом активного теоретического осмысления это явление стало лишь с конца 1970-х годов. Представители неолиберального направления исследований международных отношений указывали на то, что углубление торговых и инвестиционных взаимосвязей между государствами создает прибавочную выгоду для каждого из них, в то время как обострение политических противоречий между ними порождает риски утери этой выгоды в результате конфликта [Polachek, 1980]. В этой связи экономическая целесообразность должна порождать сдержанность в политике игроков, заставляя их избегать вооруженного столкновения.

⁶ Возможность реорганизации мирового порядка вокруг региональных комплексов ранее рассматривалась и другими исследователями (см., например: [Kurchan, 1998]).

Несмотря на множество эмпирических исследований, указывающих на негативную корреляцию между торгово-инвестиционными связями и политической конфликтностью [Gasiorowski, Polachek, 1982; Gasiorowski, 1986; Oneal, Russett, 1997; Oneal et al., 2003; Hegre et al., 2010], представители реализма нередко подвергают критике теорию экономической взаимозависимости. Они отмечают, что углубление хозяйственной кооперации приводит к возрастанию зависимости национальной экономики от иностранных партнеров, делая ее уязвимой в случае перебоев доступа к зарубежным поставщикам и рынкам сбыта.

В результате стабилизирующий эффект экономической взаимозависимости оказывается неустойчивым. Он сохраняется только до того времени, пока государство уверено в перспективах получения выгоды в будущем. Между тем в случае утери таких гарантий взаимозависимость превращается из причины сдержанности в источник раздражений в отношениях – происходит секьюритизация собственной уязвимости, которая ранее не проблематизировалась [Copeland, 2015].

В качестве исторической иллюстрации реалисты нередко указывают на ситуацию в Европе в начале XX в. Интенсивные экономические связи между крупнейшими державами не смогли предотвратить начало Первой мировой войны, а даже способствовали ее развязыванию [Cooper, 2015]. Столетие спустя масштабы экономической интегрированности уже превысили этот уровень. Крупнейшие государства нередко выступают основными торговыми партнерами друг для друга (таблица). При этом международное экономическое сотрудничество перешло на качественно новый этап в результате формирования транснациональных производственных цепочек. Гораздо большую долю в нем стала занимать торговля промежуточными товарами, а не конечной продукцией (в начале 2010-х годов – около 2/3 общего объема мировой торговли), что еще больше привязывает страны друг к другу [Johnson, Noguera, 2012].

Таким образом, изменения в характере взаимозависимости используются как сторонниками, так и оппонентами гипотезы о ее стабилизирующем влиянии на международную политику. Первые указывают на то, что мир превращается в фактически единую планетарную хозяйственную систему, основанную на глобальном разделении труда. В этих условиях она функционирует скорее как целостное общество, чем как совокупность автономных игроков [Buzan, 2014]. Вторые обращают внимание на еще большую стоимость переориентации экономики в случае разрыва транснациональных производственных цепочек и соответственно на возрастание уязвимости государств.

Основные торговые партнеры ведущих государств мира

Страна	Крупнейшие торговые партнеры				
Бразилия	Китай	США	Аргентина	Нидерланды	Германия
Великобритания	США	Германия	Франция	Нидерланды	Ирландия
Германия	США	Франция	Великобритания	Нидерланды	Китай
Китай	США	Гонконг	Япония	Южная Корея	Германия
Россия	Нидерланды	Китай	Германия	Белоруссия	Турция
США	Канада	Мексика	Китай	Япония	Великобритания
Франция	Германия	Испания	США	Италия	Великобритания
Япония	США	Китай	Южная Корея	Гонконг	Тайвань

Примечание: в таблице представлены традиционные центры силы (государства «Группы семи» кроме Италии и Канады) и восходящие державы (государства – участники БРИКС кроме ЮАР). Для каждой из стран указаны пять основных партнеров по объему экспорта промышленных товаров в порядке убывания. Серым выделены случаи, когда в качестве таких партнеров выступают другие рассматриваемые в таблице государства.

Источник: UNCTAD Stat. Country Profiles. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 20.11.2017).

Дальнейший анализ в рамках настоящей статьи призван показать, что реалистская критика неолиберальной теории взаимозависимости, хотя и справедлива, но неполна. Она не учитывает того, что высокоинтегрированное мировое хозяйство нуждается в институтах регулирования экономических потоков, которые никогда не могут быть нейтральными. Эти институты в большей степени отражают интересы доминирующих игроков, а значит, контроль над ними становится предметом противоборства в тех случаях, когда таких игроков несколько.

* * *

И неолибералы, и реалисты при оценке последствий взаимозависимости по большей части обращают внимание на сферу военно-политических отношений между государствами. В то же время она существенно влияет и на глобальное управление. На протяжении

второй половины XX в. укрепление торгово-экономических связей подстегивало развитие институтов, обеспечивавших для этого стабильную регулятивную среду. В свою очередь внедрение на международном уровне норм, побуждающих национальные экономики к либерализации, приводило к дальнейшему углублению взаимозависимости между странами.

Этот процесс развивался в условиях доминирования одного государства, которое демонстрировало способность последовательно навязывать другим участникам мировой экономики собственные институциональные предпочтения. На протяжении «холодной войны» даже на фоне конкуренции с Советским Союзом в военно-политической сфере, стремительного подъема европейских стран и Японии крупнейшей экономикой мира оставались Соединенные Штаты. Именно они выступали инициаторами и гарантами создания Бреттон-Вудских институтов и подписания Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ; General Agreement on Tariffs and Trade, GATT). В 1970-х годах они принудили другие развитые страны к перестройке мировой финансовой системы, отказавшись от «золотого стандарта». Они также последовательно добивались снижения ограничений в международной торговле в ходе сменявшихся друг друга раундов ГАТТ вплоть до создания ВТО в 1995 г. [Mastanduno, 2009].

Специфика состояния международной системы второго десятилетия XXI в. определяется сочетанием тесной взаимосвязанности национальных экономик и интенсификацией междержавной конкуренции. В этом отношении нынешняя ситуация находит больше параллелей не с предшествующими десятилетиями, а с условиями конца XIX – начала XX в. В то же время, в отличие от периода перед началом Первой мировой войны, соперничество между крупными державами в 2010-х годах осуществляется при высокой институционализации международной среды. Более того, борьба за сохранение или перестройку системы регулирования в интересах той или другой державы выступает одним из основных компонентов этой конкуренции.

В условиях глубокой зависимости государств от мирового хозяйства в целом, а не только от его отдельных региональных кластеров потребность участвовать в определении правил игры на глобальном уровне возрастает. С учетом разницы в структурах их экономик и подходах к регулированию усиливаются риски обострения противоречий между ними в этой сфере. Подобная динамика не согласуется с гипотезой Б. Бузана и других сторонников регионализации международной среды о возможностях становления «децентрализованного глобализма».

Ранее уже были приведены иллюстрации обострения противоречий относительно реформирования институтов регулирования мировой торговой и финансовой системы. Блокирование переговоров в рамках ВТО, а также торможение реформ в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке продемонстрировали трудности развития и поддержания международных правил игры в условиях неспособности одного центра принятия решений навязывать свои предпочтения другим участникам. В 2000-х годах США, впервые столкнувшись с этими трудностями в рамках Дохийского раунда, попробовали преодолеть их лобовым ультиматумом: установленная законом 2002 г. упрощенная ратификация торговых соглашений была ограничена сроком до середины 2007 г.⁷ Несмотря на то что после этого способность Вашингтона вести переговоры с партнерами по ВТО существенно сузилась, последние предпочли не идти на уступки, чтобы использовать это окно возможности.

Тем не менее сложности в согласовании преобразований многосторонних институтов привели не к отказу государств от попыток воздействовать на систему глобального управления, а к поиску альтернатив традиционным механизмам его осуществления. С этим связан, в частности, стремительный рост числа преференциальных торговых соглашений, в том числе между странами, значительно удаленными друг от друга [Heydon, Woolcock, 2009]. Такого рода договоренности стали инструментом закрепления специфических отношений между отдельными участниками мирового хозяйства, призванным предоставить им преимущества перед конкурентами. Эти документы предполагают не только снятие барьеров в торговле между участниками, но и гармонизацию стандартов применительно к широкому кругу товаров и услуг. При этом наибольшую активность в заключении преференциальных соглашений проявили представители развитого мира, в первую очередь ЕС и Соединенные Штаты [Horn et al., 2009].

Особенность подхода США к подобным документам заключается в стремлении использовать их для максимального сокращения нетарифных барьеров. В этой связи Вашингтон в период правления президента Барака Обамы выдвинул сверхамбициозные инициативы Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП)⁸. Они претен-

⁷ Teslik L.H. Fast-Track Trade Promotion Authority and its impact on U.S. trade policy // Council on Foreign Relations. 22.07.2007. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounders/fast-track-trade-promotion-authority-and-its-impact-us-trade-policy> (accessed: 02.02.2018).

⁸ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 06.05.2013. Доступ: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (дата обращения: 29.11.2017).

довали не просто на то, чтобы внедрить новую модель преференциальных соглашений, охватывающую более широкий круг вопросов, чем уже существующие аналогичные документы, — указанные инициативы планировались как новые центры притяжения в мировой экономике, обладающие столь значительной рыночной силой, что другие страны со временем вынуждены были бы принять правила, устанавливаемые этими партнерствами. ТТП и ТТИП предполагали закрепление гарантий защиты интеллектуальной собственности и доступа на рынок государственных закупок, обеспечение либерализации рынков услуг, установление экологических и социальных стандартов в странах-участницах. В результате обсуждавшиеся направления гармонизации выходили далеко за пределы тех сфер, которые охватывает ВТО.

Столь явно выраженное стремление Соединенных Штатов реформировать систему международного регулирования было вызвано тем, что нормы, в утверждении которых они сами принимали деятельное участие в прошлом, все менее соответствуют их интересам в XXI в. Сформированный под воздействием неолиберальных идей экономический порядок способствовал подъему потенциальных соперников США, в то время как конкурентоспособность их союзников и партнеров снизилась. Основным выгодоприобретателем либерализации международной торговли стал Китай, превратившийся в новую «мастерскую мира» и приблизившийся к Соединенным Штатам по размеру национального хозяйства (а в пересчете по паритету покупательной способности даже обогнавший их).

В условиях невозможности отказа от участия в глобальной экономике поддержание конкурентоспособности США и их международного положения требовало пересмотра правил, по которым она функционирует. В этой связи демократической американской администрацией на стыке 2000–2010-х годов была заявлена смена акцентов от утверждения примата «свободной торговли» к концепции «справедливой торговли»⁹. Последняя указывала, что низкие социальные и экологические стандарты, а также активная промышленная политика и низкий уровень защиты интеллектуальной собственности развивающихся стран выступают формами субсидирования, искажающими функционирование глобальных рынков и дающими им преимущество в условиях либерализации торговых потоков. Показательно, что требование изменений трудового законодательства в Китае стали высказывать представители

⁹ Obama B. Remarks by the President on fair trade // The White House. 13.03.2012. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/03/13/remarks-president-fair-trade> (accessed: 14.10.2017).

Демократической партии США еще в контексте дискуссий по До-хийскому раунду ВТО в 2000-х годах¹⁰.

Во многом в ответ на американские инициативы Китай активизировал свое участие в альтернативных проектах интеграционного взаимодействия, в первую очередь в обсуждении формирования Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (ВРЭП)¹¹. С учетом параллельной вовлеченности ряда стран Восточной Азии в переговоры по ВРЭП и ТТП задача Пекина состояла в выработке соглашения, характеризующегося меньшей требовательностью к реформированию внутреннего регулирования хозяйственной деятельности его участников. Иными словами, Пекин отстаивал более традиционный формат экономического сотрудничества в противовес инновациям, предложенным США.

В 2013 г. КНР дополнила планы формирования регионального интеграционного объединения под собственным лидерством инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹². Она предполагает активизацию экономического взаимодействия стран не путем снятия торговых барьеров, а через развитие инфраструктурной взаимосвязанности. Фактически речь идет о зонтичной программе, объединяющей проекты масштабных китайских инвестиций в транспортные системы стран Центральной и Юго-Восточной Азии, а в перспективе — и большей части Евразии.

Привлекательность этой инициативы для контрагентов КНР заключается в том, что она не предполагает формальных обязательств, ограничивающих их суверенитет и способность самостоятельно определять экономическую политику. В то же время на практике значительная часть инвестиций Пекина приходится на контракты, исполнителями по которым выступают китайские компании¹³. Тем самым обеспечивается экспансия китайского бизнеса в соседние страны. При этом выдаваемые КНР кредиты зачастую сопровождаются неформальными политическими обязательствами.

¹⁰ Teslik L.H. Fast-Track Trade Promotion Authority and its impact on U.S. trade policy // Council on Foreign Relations. 22.07.2007. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounders/fast-track-trade-promotion-authority-and-its-impact-us-trade-policy> (accessed: 02.02.2018).

¹¹ Соловьёва О. Пекин создает альтернативу Транстихоокеанскому партнерству // Независимая газета. 22.11.2016. Доступ: http://www.ng.ru/economics/2016-11-22/4_6865_china.html (дата обращения: 10.03.2018).

¹² Action plan on the Belt and Road Initiative // The State Council of the PRC. 30.03.2015. Available at: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (accessed: 01.12.2017).

¹³ OBOR must be less Chinese centric to survive, say experts // ANI. 31.01.2018. Available at: <https://www.aninews.in/news/world/asia/obor-must-be-less-chinese-centric-to-survive-say-experts201801310656010001/> (accessed: 10.03.2018).

В этих условиях Соединенные Штаты обвиняют Пекин в формировании системы долговой кабалы, из которой страны, прельстившиеся китайскими инвестициями, уже не могут выбраться. Ярким примером выступает опыт Шри-Ланки, которая, не имея возможности выплатить долги КНР, была вынуждена в 2017 г. передать ей в аренду на 99 лет порт Хамбантоты¹⁴.

Показательно, что Китай начал выдвигать собственные инициативы после мирового финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов. Отчасти это объясняется тем, что КНР именно к этому времени достигла пределов прежде сформированной модели развития и темпы ее роста начали замедляться. Вместе с тем усиление стремления Пекина к участию в мирорегулировании также связано с сомнениями в устойчивости прежней системы организации мирового хозяйства, в которой Соединенные Штаты несли основную ответственность за институты, обеспечивающие ее функционирование, выполняя роль «покупателя последней инстанции» [Mas-tanduno, 2014].

Пришедший к власти в США в 2017 г. президент Дональд Трамп отказался от выдвинутого предшественником подхода, в том числе вышел из уже подписанного соглашения о ТТП. Вместе с тем он с еще большей критикой, чем Барак Обама, обрушился на существующие международные режимы экономического регулирования и заявил о стремлении их пересмотреть¹⁵. Если ранее Вашингтон старался обойти тупик в многосторонних институтах путем формирования крупных торговых объединений (что привело к появлению даже нового термина – *плюрилатерализм*, *plurilateralism*), то после прихода к власти новой администрации США стали добиваться изменения баланса выгод от международной системы за счет односторонних действий.

В рамках этой политики в 2018 г. Соединенные Штаты ввели тарифы на импорт стали, алюминия и ряда других товаров, в том числе из стран, выступающих их политическими союзниками (ЕС, Канады, Японии), а также инициировали дополнительные ограничения в отношении Китая. В обоснование этих мер Белый дом апеллирует к несправедливости ситуации хронического существенного профицита контрагентов в двусторонней торговле. Тем

¹⁴ Schultz K. Sri Lanka, struggling with debt, hands a major port to China // The New York Times. 12.12.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/12/12/world/asia/sri-lanka-china-port.html> (accessed: 05.03.2018).

¹⁵ Mui Y.Q. President Trump signs order to withdraw from Trans-Pacific Partnership // The Washington Post. 23.01.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/01/23/president-trump-signs-order-to-withdraw-from-transpacific-partnership/?utm_term=.9a071cfa16b2 (accessed: 14.10.2017).

самым США фактически пытаются ввести в качестве принципа в международных экономических отношениях требование сбалансированности торговых потоков между странами, что плохо согласуется с устоявшимися правилами функционирования мирового хозяйства.

Неудивительно, что уже даже американские эксперты нередко видят в Соединенных Штатах главного ревизиониста либерального мирового порядка, сформированного при их лидирующей роли [Кенберри, 2017; Kagan, 2017]. Воспользовавшись такими настроениями, Пекин попытался позиционировать себя едва ли не как главного защитника существующей системы международного регулирования¹⁶. Кроме того, непосредственно введение американских ограничений на поставки китайских товаров вызвало ответные меры со стороны КНР. Фактически Вашингтон и Пекин оказались в состоянии торговой войны, ставками в которой выступают не только конкретные уровни двусторонних поставок, но и сами принципы функционирования мировой экономики.

Перспективы достижения устойчивого компромисса по поводу правил игры между сторонами осложняются принципиальными различиями в их моделях национального хозяйства. Противоречия определяются не только разницей в уровне индустриализации, степени технологической вооруженности промышленности, развитости финансового сектора и сферы услуг, но также тем, что либерально-корпоративная американская система и дирижистский государственный капитализм Китая нуждаются в различной организации внешней среды. В частности, в условиях глубокой взаимосвязанности экономик обостряются споры по поводу легитимности отдельных форм прямого и непрямого субсидирования.

Если в вопросах реформирования мировой торговли ревизионистские импульсы в 2000–2010-х годах исходили преимущественно от традиционных центров силы, то с требованием реформирования международной финансовой системы выступали в первую очередь «восходящие державы». На фоне сложностей в расширении их влияния в Бреттон-Вудских институтах они стали инициаторами создания механизмов, которые могли бы составить альтернативу Всемирному банку и МВФ. Например, были сформированы Новый банк развития и пул валютных резервов БРИКС [Алексеенко, 2017].

Кроме того, Китай выступил с инициативой создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), чем вызвал

¹⁶ Xi Jinping. Speech to Davos // World Economic Forum. 17.01.2017. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed: 05.03.2018).

большое недовольство в США¹⁷. Развитие АБИИ превратилось в приоритет для Пекина, поскольку, в отличие от финансовых институтов БРИКС, в данном случае он не сталкивается с ограничениями, устанавливаемыми другими крупными незападными игроками (в первую очередь Индией). Фактически АБИИ вместе с китайским Фондом «Шелкового пути» выступает одним из элементов финансовой инфраструктуры, обеспечивающей реализацию ОПОП [Yu, 2017].

Почти параллельное выдвижение Соединенными Штатами планов ТТП и ТТИП, а Китаем – инициативы ОПОП высветило различия в стратегиях двух крупнейших экономик по укреплению собственных позиций в мировой системе, обусловленные разницей в сравнительных преимуществах, которыми они располагают. США сохраняют значение самого большого рынка и стремятся навязывать другим странам правила игры за счет манипулирования доступом на него. В свою очередь Китай благодаря развитию экспортно-ориентированной промышленности сформировал значительный избыток финансового капитала и использует в этих же целях свои инвестиционные возможности.

Таким образом, опыт 2000–2010-х годов не подтверждает предположений о том, что экономическая взаимозависимость будет побуждать ведущие государства к формированию управляющего «концерта», который обеспечит принятие компромиссных подходов к реформированию системы международного регулирования. Этот опыт также вступает в противоречие с гипотезой о концентрации крупных держав на собственном региональном окружении и, следовательно, децентрализации попыток глобального управления. Напротив, с конца 2000-х годов интенсивность соперничества между крупнейшими торговыми партнерами (в первую очередь США и Китаем) возрастает, а логика функционирования международных институтов выступает одним из основных предметов споров. Более того, со временем интенсивность противоречий возрастает, а в 2017–2018 гг. стороны перешли к прямым столкновениям по торговым вопросам и введению ограничительных мер в отношении друг друга.

Наблюдаемое сочетание глубокой взаимосвязанности и конкуренции обостряет риски нарастания конфликтности и дестабилизации существующих международных режимов под влиянием расхождений между основными центрами силы в современном мире.

¹⁷ Perlez J. China creates a World Bank of its own, and the U.S. balks // The New York Times. 04.12.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/12/05/business/international/china-creates-an-asian-bank-as-the-us-stands-alooft.html> (accessed: 09.09.2017).

Экономическая взаимозависимость государств превращается в одну из движущих сил, а не барьеров на пути реализации такого сценария. Современный этап междержавного соперничества характеризуется большими рисками по сравнению с предыдущими случаями конкуренции между крупными государствами в условиях гораздо меньшей интеграции мирового хозяйства. Вместе с тем сами перспективы сохранения существующей глобализированной экономики, построенной на глубокой взаимосвязанности национальных хозяйств, не могут восприниматься как безусловные. Ряд социальных и технологических изменений подталкивают международную систему к новой экономической раздробленности.

* * *

Процесс углубления экономической взаимозависимости стран носит нелинейный характер. С течением времени он в значительной степени изменялся под воздействием социальных, политических и технологических факторов. Так, интенсивность торговых и инвестиционных взаимодействий в период перед Первой мировой войной (оцениваемая по доле внешней торговли в ВВП стран) была существенно выше, чем на протяжении большей части XX в. [Chase-Dunn et al., 2000].

Современная ситуация глубокой экономической взаимозависимости стала продуктом транснационализации производства начиная с 1970-х годов. На протяжении нескольких десятилетий вывоз капитала в развивающиеся страны мотивировался стремлением к снижению издержек на оплату низкоквалифицированного труда в процессе создания товаров и предоставления услуг [Hernández et al., 2014]. В результате в мировой экономике произошел переход от доминирования торговли конечной продукцией к торговле промежуточными товарами, а хозяйственные комплексы отдельных стран оказались тесно переплетены друг с другом в рамках трансграничных цепочек производства.

Сохранение сложившейся модели высокоинтегрированного мирового хозяйства наталкивается на несколько вызовов различной природы. В 2010-х годах они стали предметом пристального экспертного обсуждения, но их непосредственное значение для перспектив развития международных политических отношений до сих пор подробно не осмыслялось.

В первую очередь процесс транснационализации производства стимулировал тенденцию к углублению социального расслоения внутри стран. Результатом политики компаний по снижению затрат на оплату труда стала концентрация большей части национального

богатства в руках крайне ограниченного круга высокообеспеченных слоев населения при сравнительном уменьшении доли доходов остальных групп в обществе [Dabla-Norris et al., 2015]¹⁸. Подобная тенденция характерна для многих как развивающихся, так и развитых государств.

Реакцией на нее стали рост популярности протекционизма в обществах и критическое отношение к существующим механизмам международного экономического регулирования. Если в 1990-х — начале 2000-х годов антиглобализм выступал ярким, но всё же маргинальным явлением, то нарастание недовольства глобализацией в 2000-х годах побудило значительную часть американской элиты критически пересмотреть отношение к ТТП, а Дональда Трампа после прихода к власти — выйти из него. Американский пример демонстрирует, что рост протекционистских настроений в западных обществах создает социальный запрос на снижение уровня интегрированности в мировое хозяйство даже в тех случаях, когда дальнейшее углубление взаимозависимости остается экономически выгодным¹⁹. Между тем в «восходящих» странах (в первую очередь в Китае) активизируются попытки перехода от экспортоориентированной модели производства к опоре на собственный внутренний рынок сбыта. Важнейшим триггером этой тенденции стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., который породил разочарование в Соединенных Штатах как в «покупателе последней инстанции» [Mastanduno, 2014].

Наряду с социальными изменениями сохранению текущего уровня экономической взаимозависимости угрожают тенденции технологического развития. Как было отмечено ранее, процесс транснационализации производства в значительной степени был обусловлен стремлением уменьшить издержки на рабочую силу. Между тем наблюдаемая в последние годы автоматизация производства товаров и предоставления услуг может привести к радикальному снижению роли труда во многих отраслях экономики [Karabarbounis, Neiman, 2013; Марш, 2015]. В этом случае исчезнет первоначальный стимул компаний к вывозу капитала и распределению производства по странам с дешевой рабочей силой. В его отсутствие можно ожидать частичной деглобализации производ-

¹⁸ Аналогичная тенденция имела место и накануне Первой мировой войны [McDonald, Sweeney, 2007].

¹⁹ Chang S.P. From Brexit to the rise of protectionism: Is the world facing an era of permanent low-growth? // The Telegraph. 10.10.2016. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/business/2016/10/09/brexit-gloom-has-lifted-but-the-big-issue-still-looms-large-is-t/> (accessed: 17.11.2017).

ства, его концентрации в непосредственной близости от потенциальных потребителей [Hammes, 2016]. Соответственно снизится и необходимость для государств участвовать в выработке глобальных правил международного экономического регулирования.

Оценка потенциального трансформирующего влияния на мировое хозяйство приведенных социальных и технологических изменений в настоящее время связана со значительными трудностями. Существующие прогнозы не предполагают полной дезинтеграции системы международных экономических отношений, а значит, и инфраструктуры их регулирования²⁰. Кроме того, нарастание экономического национализма и процессов автоматизации может влиять на повышение международно-политической конфликтности, не связанной с вероятностью снижения уровня экономической взаимозависимости.

Таким образом, современные социальные и технологические тенденции усиливают неопределенность в отношении перспектив развития международной системы. Если они действительно приведут к перестройке мирового хозяйства в сторону меньшей взаимосвязанности отдельных региональных, национальных и даже локальных (на уровне административных единиц внутри стран) экономик, то тенденции, обозначенные в предыдущем разделе статьи, могут не получить дальнейшего развития. Снижение зависимости благосостояния отдельных государств от интеграции в мировую экономику приведет к ослаблению текущей конкуренции за формирование правил международного экономического порядка. Оно также могло бы создать условия для концентрации ведущих держав на обустройстве своего непосредственного окружения в ущерб интересу к вопросам регулирования на глобальном уровне. В то же время этот результат будет достигнут не благодаря взаимозависимости, а в итоге ее частичного преодоления – только в этом случае, следуя фразеологии Б. Бузана, сформируется система «децентрализованного неглобализма».

* * *

Обращение к экономической взаимозависимости в зарубежном экспертном сообществе с конца 2000-х годов стало одной из основных линий аргументации, обосновывающей перспективы мирной и относительно бесконфликтной эволюции мирового порядка.

²⁰ В частности, эксперты Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН в прогнозе до 2035 г. предполагают, что даже с учетом автоматизации производства и несмотря на ожидаемое снижение темпов роста мировой торговли, они по-прежнему будут превышать темпы роста мирового ВВП [Мир 2035..., 2017: 139–140].

Подобный подход в значительной степени обусловлен тем вкладом, который западные капиталы и технологии внесли в подъем ряда «восходящих» стран, и акцентированием рисков упущенных выгод для государств от возможной конфронтации.

Вместе с тем расширение взаимодействия не только в экономике, но и в других областях международных отношений увеличивает и сферу потенциальных разногласий. Опыт 2000–2010-х годов демонстрирует, что экономическая взаимозависимость способствовала обострению междержавного соперничества в вопросах формирования институтов глобального управления. Поддержание мирового экономического порядка представляет ценность для крупных государств, но сохраняется вероятность эскалации отдельных противоречий до масштабов общесистемной дестабилизации.

Соперничество между США и КНР развивается не просто параллельно с их глубокой взаимозависимостью — последняя его подстегивает, заставляя искать способы перераспределения выгод от сотрудничества в свою пользу. Как и в военно-политической сфере, конкуренция нередко принимает форму не прямого столкновения, а опосредованного воздействия на оппонента через расширение влияния на третьи страны. В этой связи нужно учитывать, что ставкой выдвигаемых инициатив выступает не присоединение Брунея или Камбоджи (стран, вовлеченных в конкурирующие экономические инициативы) к тому или иному торгово-экономическому блоку, а возможность сформировать критическую массу партнеров, принимающих правила, удобные одному из крупных игроков, для последующего их распространения на мировое хозяйство в целом.

Современная ситуация в некотором смысле оказывается «худшим из миров», в котором потребности государств в доступе к мировым рынкам сочетаются с серьезными различиями в их конкурентных преимуществах, а значит, и с разницей в предпочтениях относительно эволюции правил международного хозяйственного регулирования. Подобная комбинация порождает риски дальнейшего обострения противоречий между крупнейшими международными игроками, в первую очередь США и Китаем. Их соперничество уже выразилось в выдвижении ряда конкурирующих интеграционных, инвестиционных и инфраструктурных инициатив, которые обладали потенциалом перестройки системы международных экономических отношений и имеет тенденцию к обострению.

В международно-политических исследованиях зачастую сфера хозяйственного взаимодействия представляется в качестве гармоничной области кооперации, основанной на всеобщей выгоде. Между тем недостаточное внимание уделяется тому, что рынок

выступает местом жесткого торга относительно распределения выгод и издержек. Участники экономических отношений, несомненно, имеют общие интересы, но конфликт также выступает неотъемлемым элементом экономической жизни. Схожее положение характерно и для сферы военно-политических отношений между странами. Современным международно-политическим исследованиям присуще неоправданное противопоставление этих двух областей, игнорирующее сходство логики конкуренции и кооперации государств вне зависимости от особенностей интересов, которые становятся предметом взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и пул условных валютных резервов как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 5. С. 53–59.
2. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
3. Кокошин А., Бартенев В., Веселов В. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министрства обороны США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 11. С. 3–22.
4. Мамонов М.В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3. С. 40–56.
5. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М.: Институт Гайдара, 2015.
6. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
7. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Общество и право. 2003. № 1. С. 32–35.
8. Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис: политические исследования. 2016. № 1. С. 44–59.
9. Шевченко О.М., Аكوпова Е.С., Самыгин С.И. Экономическая глобализация и ее влияние на рост конфликтов в современном мире // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 75–79.
10. Энджелл Н. Великое заблуждение: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск: Социум, 2009.
11. Allison G.T. Destined for war: Can America and China avoid the Thucydides trap. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
12. Brooks S., Wohlforth W. America abroad: The United States' global role in the 21st century. Oxford: Oxford University Press, 2016.
13. Buzan B. Brilliant but now wrong: A sociological and historical assessment of Gilpin's war and change in world politics // Power, order, and change in

world politics / Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 233–262.

14. Buzan B. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture – A world order without superpowers: Decentred globalism // *International relations*. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 3–25.

15. Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B.D. Trade globalization since 1795: Waves of integration in the world-system // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 77–95.

16. Cooper R.N. Economic interdependence and war // *The next great war: The roots of World War I and the risk of U.S.-China conflict* / Ed. by R.N. Rosecrance, S.E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. P. 57–69.

17. Copeland D.C. *Economic interdependence and war*. Princeton: Princeton University Press, 2015.

18. Dabla-Norris E., Kochhar K., Ricka F. et al. Causes and consequences of income inequality: A global perspective // *International Monetary Fund*. June 2015. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (accessed: 23.07.2017).

19. Frühling S., Lasconjarías G. NATO, A2/AD and the Kaliningrad challenge // *Survival*. 2016. Vol. 58. No. 2. P. 95–116.

20. Gasiorowski M.J. Economic interdependence and international conflict: Some cross-national evidence // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. No. 1. P. 23–38.

21. Gasiorowski M., Polachek S.W. Conflict and interdependence: East-West trade and linkages in the era of detente // *Journal of Conflict Resolution*. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 709–729.

22. Hammes T.X. Will technological convergence reverse globalization? // INSS, National Defense University. July 2016. Available at: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-297.pdf> (accessed: 08.10.2017).

23. Hegre H., Oneal J.R., Russett B. Trade does promote peace: New simultaneous estimates of the reciprocal effects of trade and conflict // *Journal of Peace Research*. 2010. Vol. 47. No. 6. P. 763–774.

24. Hernández R.A., Martínez-Piva J.M., Mulder N. *Global value chains and world trade*. Santiago: United Nations, 2014. P. 45–56.

25. Heydon K., Woolcock S. *The rise of bilateralism: Comparing American, European and Asian approaches to preferential trade agreements*. New York: United Nations University Press, 2009. P. 3–11.

26. Hopewell K. *Breaking the WTO: How emerging powers disrupted the neoliberal project*. Stanford University Press, 2016.

27. Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements. *Bruegel Blueprint 7*, 2009. Available at: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/43375068/Beyond_the_WTO_An_anatomy_of_EU_and_US_p20160304-30807-1qagp83.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1516142715&Signature=a9jJ8IalGpLdDaRVLYRmMAwRUaA%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DBeyond_the_WTO_An_Anatomy_of_EU_and_US_P.pdf (accessed: 17.10.2017).

28. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
29. Ikenberry G.J. The plot against American foreign policy: Can the liberal order survive? // *Foreign Affairs*. 2017. Vol. 96. No. 3. P. 1–7.
30. Johnson R.C., Noguera G. Accounting for intermediates: Production sharing and trade in value added // *Journal of International Economics*. 2012. Vol. 86. No. 2. P. 224–236.
31. Kagan R. *The twilight of the liberal world order*. Brookings Institute. 24.01.2017. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (accessed: 05.03.2018).
32. Karabarbounis L., Neiman B. The global decline of the labor share // *The Quarterly Journal of Economics*. 2013. Vol. 129. No. 1. P. 61–103.
33. Kupchan C.A. *After Pax Americana: Benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity* // *International Security*. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40–79.
34. Mastanduno M. *Order and change in world politics: The financial crisis and the breakdown of the US-China grand bargain* // *Power, order, and change in world politics* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 162–191.
35. Mastanduno M. System maker and privilege taker // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 121–154.
36. McDonald P.J., Sweeney K. The Achilles' heel of liberal IR theory?: Globalization and conflict in the pre-World War I era // *World Politics*. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 370–403.
37. Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: WW Norton & Company, 2014.
38. Montgomery E.B. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection // *International Security*. 2014. Vol. 38. No. 4. P. 115–149.
39. Oneal J.R., Russett B.M. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985 // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. No. 2. P. 267–294.
40. Oneal J.R., Russett B., Berbaum M.L. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 371–393.
41. Pape R.A. Soft balancing against the United States // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 1. P. 7–45.
42. Paul T.V. Soft balancing in the age of US primacy // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 1. P. 46–71.
43. Polachek S.W. Conflict and trade // *Journal of Conflict Resolution*. 1980. Vol. 24. No. 1. P. 55–78.
44. Stigler G.J. Free riders and collective action: An appendix to theories of economic regulation // *The Bell Journal of Economics and Management Science*. 1974. Vol. 5. No. 2. P. 359–365.

45. Waltz K.N. Theory of international politics. Boston, Mass.: McGraw-Hill, 1979.

46. Yu H. Motivation behind China's 'One Belt, One Road' initiatives and establishment of the Asian infrastructure investment bank // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 105. P. 353–368.

I.A. Istomin

RIVALRY BETWEEN THE LEADING POWERS IN THE CONTEXT OF GLOBAL INTERDEPENDENCE

*Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

The existence of parallel trends in development of current international system, that of growing controversies between the leading states, on the one hand, and increasing global economic interdependence, on the other, raises question about their possible interrelation. The paper examines the impact of close economic relations among major powers on their increased competition for positional advantages in the sphere of international regulation and institutional power. High relevance of this issue stems from the fact that integration of one's national preferences in the regulatory structures provides country with a long-term influence and increases its international competitiveness. The author identifies key features of current relations between the world's leading powers and demonstrates that the 2010s witnessed a reemergence of intense rivalry among great powers as the rise of alternative centers of power challenges international position of the United States. The paper proceeds with an examination of competing theoretical approaches to assessing stability of the current configuration of international system as well as to explaining the impact of economic interdependence on international conflict. The author emphasizes that the appeal to economic interdependence has become one of the main lines of argumentation in the Western expert community since the end of the 2000s in terms of justifying prospects for a peaceful and relatively conflict-free evolution of the world order. However, international developments in the late 2000s–2010s show that the sphere of institutional regulation of global economy is rapidly becoming one of key areas of competition between the leading powers. The paper also examines certain social and technological trends that can limit a further growth of global economic interdependence. The current situation turns out to be the 'worst of possible worlds', in which the growing states' needs for access to world markets are compounded by significant variations in their competitive advantages, and resulting differences in their preferences regarding the evolution of international economic regulation. The conclusion is drawn that such combination entails risks of a further aggravation of contradictions between the major international players.

Keywords: great powers, international system, economic interdependence, United States, emerging powers, global governance, WTO, Bretton-Woods institutions, China, polycentric world, theory of international relations.

About the author: Igor' A. Istomin – PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Applied International Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the RFBR, research project № 15-03-00728.

REFERENCES

1. Alekseenko O.A. 2017. Novyi bank razvitiya BRIKS i pul uslovykh valyutnykh rezervov, kak katalizatory protsessa reformirovaniya Bretton-Vudskikh institutov [The BRICS' New Development Bank and Contingency Reserve Arrangement, as catalysts the process of reforming the Bretton Woods institutions]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, vol. 3, no. 5, pp. 53–59. (In Russ.)
2. Bogaturov A.D. 2003. Mezhdunarodnyi poryadok v nastupivshem veke [International order at the turn of the XXI century]. *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.)
3. Kokoshin A., Bartenev V., Veselov V. 2015. Podgotovka revolyutsii v voennom dele v usloviyakh byudzhetnykh ogranichenii: novye initsiativy Ministerstva oborony SShA [Launching a revolution in military affairs in the age of austerity: New initiatives of the U.S. DoD]. *SShA – Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, no. 11, pp. 3–22. (In Russ.)
4. Mamonov M.V. 2010. Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Change and continuity in China's foreign policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 8, no. 24, pp. 40–56. (In Russ.)
5. Marsh P. 2015. *Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva* [New industrial revolution. Consumers, globalization, and the end of mass production]. Moscow, Institut Gaidara Publ. (In Russ.)
6. Dynkin A.A. (ed.). 2017. *Mir 2035. Global'nyi prognoz* [The world of 2035. Global Outlook]. Moscow, Magistr Publ. (In Russ.)
7. Narykov N.V. 2003. Globalizatsiya kak istochnik mezhdunarodnykh konfliktov i obostreniya konkurentsii [Globalization as a source of international conflicts and rise of competition]. *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 32–35. (In Russ.)
8. Nikitin A.I. 2016. Novaya sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: 'kontsert' ili konfrontatsiya? [New system of relations between great powers for the 21st century: 'concert' or confrontation?]. *Polis: politicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 44–59. (In Russ.)
9. Shevchenko O.M., Akopova E.S., Samygin S.I. 2017. Ekonomicheskaya globalizatsiya i ee vliyaniye na rost konfliktov v sovremennom mire [Economic globalization and its influence on the growth of conflicts in the modern world].

globalization and its impact on the growth of conflicts in the modern world]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, no. 1, pp. 75–79. (In Russ.)

10. Angell N. 2009. *Velikoe zabluzhdenie: ocherk o mnimyykh vygodakh voennoi moschi natsii* [The great illusion: On fictitious benefits of national military power]. Chelyabinsk, Sotsium Publ. (In Russ.)

11. Allison G.T. 2017. *Destined for war: Can America and China avoid the Thucydides trap*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt.

12. Brooks S., Wohlforth W. 2016. *America abroad: The United States' global role in the 21st century*. Oxford, Oxford University Press.

13. Buzan B. 2014. Brilliant but now wrong: A sociological and historical assessment of Gilpin's war and change in world politics. In Ikenberry G.J. (ed.). *Power, order, and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 233–262.

14. Buzan B. 2011. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture a world order without superpowers: Decentred globalism. *International Relations*, vol. 25, no. 1, pp. 3–25.

15. Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B.D. 2000. Trade globalization since 1795: Waves of integration in the world-system. *American Sociological Review*, vol. 65, no. 1, pp. 77–95.

16. Cooper R.N. 2015. Economic interdependence and war. In Rosecrance R.N., Miller S.E. (eds.). *The next Great War: The roots of World War I and the risk of U.S.-China conflict*. Cambridge, MIT Press Publ., pp. 57–69.

17. Copeland D.C. 2015. *Economic interdependence and war*. Princeton, Princeton University Press.

18. Dabla-Norris E., Kochhar K., Ricka F. et al. 2015. *Causes and consequences of income inequality: A global perspective*. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (accessed: 23.07.2017).

19. Frühling S., Lasconjarias G. 2016. NATO, A2/AD and the Kaliningrad challenge. *Survival*, vol. 58, no. 2, pp. 95–116.

20. Gasiorowski M.J. 1986. Economic interdependence and international conflict: Some cross-national evidence. *International Studies Quarterly*, vol. 30, no. 1, pp. 23–38.

21. Gasiorowski M., Polachek S.W. 1982. Conflict and interdependence: East-West trade and linkages in the era of detente. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 26, no. 4, pp. 709–729.

22. Hammes T.X. 2016. *Will technological convergence reverse globalization?* INSS, National Defense University. Available at: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-297.pdf> (accessed: 08.10.2017).

23. Hegre H., Oneal J.R., Russett B. 2010. Trade does promote peace: New simultaneous estimates of the reciprocal effects of trade and conflict. *Journal of Peace Research*, vol. 47, no. 6, pp. 763–774.

24. Hernández R.A., Martínez-Piva J.M., Mulder N. 2014. *Global value chains and world trade: Prospects and challenges for Latin America*. Santiago, United Nations Publ.

25. Heydon K., Woolcock S. 2009. *The rise of bilateralism: Comparing American, European and Asian approaches to preferential trade agreements*. New York, United Nations University Press.

26. Hopewell K. 2016. *Breaking the WTO: How emerging powers disrupted the neoliberal project*. Stanford, Stanford University Press.

27. Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. 2009. *Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements*. Bruegel Blueprint 7. Available at: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/43375068/Beyond_the_WTO_An_anatomy_of_EU_and_US_p20160304-30807-1qagp83.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1516142715&Signature=a9jJ8lalGpLdDaRVLYRmMAwRUaA%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DBeyond_the_WTO_An_Anatomy_of_EU_and_US_P.pdf (accessed: 17.10.2017).

28. Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton, Princeton University Press.

29. Ikenberry G.J. 2017. The plot against American foreign policy: Can the liberal order survive? *Foreign Affairs*, vol. 96, no. 3, pp. 1–7.

30. Johnson R.C., Noguera G. 2012. Accounting for intermediates: Production sharing and trade in value added. *Journal of International Economics*, vol. 86, no. 2, pp. 224–236.

31. Kagan R. 2017. *The twilight of the liberal world order*. Brookings Institute. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (accessed: 05.12.2017).

32. Karabarbounis L., Neiman B. 2013. The global decline of the labor share. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 129, no. 1, pp. 61–103.

33. Kupchan C.A. 1998. After Pax Americana: Benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity. *International Security*, vol. 23, no. 2, pp. 40–79.

34. Mastanduno M. 2014. Order and change in world politics: The financial crisis and the breakdown of the US-China grand bargain. In Ikenberry G.J. (ed.). *Power, order, and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 162–191.

35. Mastanduno M. 2009. System maker and privilege taker. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 121–154.

36. McDonald P.J., Sweeney K. 2007. The Achilles' heel of liberal IR theory? Globalization and conflict in the pre-World War I era. *World Politics*, vol. 59, no. 3, pp. 370–403.

37. Mearsheimer J.J. 2014. *The tragedy of great power politics*. New York, WW Norton & Company Publ.

38. Montgomerly E.B. 2014. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection. *International Security*, vol. 38, no. 4, pp. 115–149.

39. Oneal J.R., Russett B.M. 1997. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985. *International Studies Quarterly*, vol. 41, no. 2, pp. 267–294.
40. Oneal J.R., Russett B., Berbaum M.L. 2003. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992. *International Studies Quarterly*, vol. 47, no. 3, pp. 371–393.
41. Pape R.A. 2005. Soft balancing against the United States. *International Security*, vol. 30, no. 1, pp. 7–45.
42. Paul T.V. 2005. Soft balancing in the age of US primacy. *International Security*, vol. 30, no. 1, pp. 46–71.
43. Polachek S.W. 1980. Conflict and trade. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 24, no. 1, pp. 55–78.
44. Stigler G.J. 1974. Free riders and collective action: An appendix to theories of economic regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 5, no. 2, pp. 359–365.
45. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. Boston, Mass., McGraw-Hill.
46. Yu H. 2017. Motivation behind China's 'One Belt, One Road' initiatives and establishment of the Asian infrastructure investment bank. *Journal of Contemporary China*, vol. 26, no. 105, pp. 353–368.